

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ШИРОКОГОРОВ

Опубликовано: Этнографическое обозрение. – 2003. - № 3. – С.100-119

Труды С.М. Широкогорова давно хорошо известны в мировой науке. За работами исследователя ученые европейских стран начали внимательно следить с тех пор, как появились его первые публикации. Основатель берлинской этносоциологической школы Рихард Турнвальд (1869-1954) обращался к ранним трудам С.М. Широкогорова, изданным еще в 20-е годы XX в., и рекомендовал их для изучения своим ученикам. Некоторые из них, ставшие впоследствии видными учеными, попали под сильное влияние идей российского этнолога и разделяли их на протяжении всей своей научной деятельности¹. Интерес к трудам С.М. Широкогорова не только не угасал, а все более разрастался - к европейским последователям его взглядов особенно в последние

десятилетия присоединились ученые из стран Азии, прежде всего из Китая, Японии, Кореи. И в настоящее время, когда прошло 64 года после смерти выдающегося ученого, его взгляды, мысли и теории, охватывающие, в сущности, все области, подвластные этнологии и этнографии, находятся в постоянном научном обращении у зарубежных исследователей и удостаиваются самых восторженных эпитетов.

Вильгельм Эмиль Мюльман (1904-1988) - ведущий теоретик немецкой послевоенной этнологии, долгие годы имевший тесные научные контакты с С.М. Широкогоровым и воспринявший многие идеи своего учителя, считал его одним из самых оригинальных этнологов-мыслителей современности. Высказывая эту мысль в 1940 г. в некрологе, посвященном С.М. Широкогорову, он с горечью подчеркнул, что этот ученый как этнолог не был достаточно оценен². Подобное сожаление, даже упрек в недооценке научного дарования С.М. Широкогорова в гораздо большей степени относится к российской науке, где многие десятилетия его имя упоминалось очень редко и, как правило, со ссылками только на две ранние работы ученого, написанные еще на русском языке³. Основные же труды С.М. Широкогорова изданы на английском и других европейских языках и почти не попадали в поле зрения отечественных ученых.

В связи с создавшейся вокруг имени ученого в советский период атмосферы явного игнорирования его крупных трудов, особого уважения заслуживает обращение выдающегося российского этнографа Г.М. Василевич в конце 50-х годов XX в. к материалам своего не менее выдающегося соотечественника, касающихся религиозных представлений тунгусов (эвенков)⁴.

В 1970-1980-е годы имя С.М. Широкогорова стало чаще появляться в научных трудах отечественных ученых, прежде всего в связи с его теорией этноса, которая получила оценку

¹ Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию / Пер. и примеч. Д.А. Функа // Этнографическое обозрение (далее - ЭО). 2002. № 1. С. 139-143.

² Мюльман В. С.М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) / Пер. и примеч. Д.А. Функа // ЭО. 2002. № 1. С. 144-145

³ Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Уч. зап. Историко-филол. факультета в г. Владивостоке. Владивосток, 1919. Т. 1. Отд. 1. С. 47-108; Он же. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Изв. Восточного ф-та Дальневосточного Ун-та. Шанхай, 1923. Т. XVIII. Вып. 1. С. 1-134.

⁴ Василевич Г.М. Ранние представления о мире у эвенков // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 163, 181. (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. LI).

у двух самых известных в то время отечественных исследователей этнических проблем - Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева. Постоянно полемизировавшие между собой ученые не сошлись и во взглядах на теорию и определение этноса, высказанные С.М. Широкогоровым. Ю.В. Бромлей сопроводил их нейтрально-сдержанными комментариями⁵, а Л.Н. Гумилев - резко критическими⁶. К этим оценкам мы еще вернемся позже, когда о теории этноса С.М. Широкогорова будем говорить более подробно. В 1980 г. в России были впервые отмечены новаторские взгляды С.М. Широкогорова на сущность шаманизма и личность шамана⁷, а в 1989 г. появилась первая публикация о его жизни и деятельности⁸. Так было положено начало признанию заслуг ученого на Родине, но явный перелом в отношении к С.М. Широкогорову произошел лишь в самое последнее время, в конце 1990-х годов.

В 1999 г., через 60 лет после смерти ученого, в Москве состоялся международный конгресс «Шаманизм и иные традиционные верования и практики», посвященный памяти трех выдающихся российских ученых – С.М. Широкогорова, Н.П. Дыренковой и А.В. Анохина⁹, на котором был представлен доклад о взглядах С.М. Широкогорова на шаманизм¹⁰. Вслед за этим в 2000 г. появился ряд статей, в которых подчеркивалась необходимость внимательно изучить взгляды С.М. Широкогорова на этногенез и религиозные представления тунгусов, отмечался его вклад в разработку теории этноса и археологические исследования Сибири и рассматривались некоторые материалы ученого по тунгусским языкам¹¹.

Вскоре после конгресса 1999 г. во Владивостоке в 2001 г. прошла конференция, посвященная памяти С.М. Широкогорова - Широкогоровские чтения. В ряде докладов конференции впервые были освещены некоторые периоды личной и научной биографии ученого, комментировались и анализировались с позиции современных научных знаний взгляды С.М. Широкогорова в области лингвистики, психологии, этногенеза, шаманизма применительно к тунгусо-маньчжурским народам, но затрагивающие более общие проблемы языкового родства, языковой политики, психологии и психофизиологии человека¹². Не все представленные на конференции доклады были равноценны, но сама конференция, посвященная выдающемуся российскому ученому после нескольких десятилетий почти полного забвения, представляется важным научным событием.

В том же 2001 г. была утверждена специальная программа исследования жизни и деятельности С.М. Широкогорова в Дальневосточном государственном университете. Итогом реализации этой программы явилась публикация документов, связанных с деятельностью С.М. Широкогорова, подробных биографических очерков о петербургском и владивостокском периодах его жизни, основанных на архивных источниках, а также некоторых писем и работ ученого¹³. Особенно следует выделить очень важную публикацию

⁵ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 22, 26; Он же. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 10,20.

⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989. С. 69-71, 238.

⁷ Ревуненкова Е.В. Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980. С. 17-18, 33, 38-39, 58-59.

⁸ Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров. Его жизнь и труды (К 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985-1987 гг. Тез. докл. науч. сессии. Л., 1989. С. 25-27.

⁹ «Шаманизм и иные традиционные верования и практики». Материалы междунар. конгр., посвященного памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова. Москва, Россия. 7-12 июня 1999 г. Ч. 1-2. М., 1999; Ч. 3. М., 2001 (Сер. Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 5.).

¹⁰ Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров как исследователь шаманизма // Шаманизм... Ч. 1. С. 23-30.

¹¹ Кочешков Н.М. Выдающийся этнограф России С.М. Широкогоров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. науч. трудов. Владивосток; Омск, 2000. С. 11—13; Данченко Е.М. О вкладе С.М. Широкогорова в разработку теории этноса // Там же, С. 13-16; Певнов А.М. С.М. Широкогоров о терминах ориентации северных тунгусов // Там же. С. 16-18; Решетов А.М. С.М. Широкогоров и археология // Там же. С. 18-21.

¹² Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии). Владивосток, 2001.

¹³ Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Кн. 1: Избранное. Владивосток, 2001.

последнего времени - некролог, посвященный С.М. Широкогорову, и предисловие к нему видного современного немецкого этнолога Уллы Йохансен. И в некрологе, и в предисловии к нему раскрывается огромная сила воздействия российского ученого на формирование западноевропейской этнологии¹⁴. Авторы этой публикации надеялись, что тем самым будет сделан еще один шаг к возвращению имени С.М. Широкогорова в российскую этнологию. И действительно, еще один очень важный шаг сделан. Но при этом по-прежнему к творчеству С.М. Широкогорова, составившему целую эпоху в развитии науки, в российской этнологии обращаются крайне мало: как и в прежние годы, используются только ранние его работы, основные же книги признанного во всем мире классика этнологии, написанные на английском языке, по-настоящему еще не прочитаны отечественными исследователями, и одна из причин этого - *отсутствие их переводов на русский язык*.

С.М. Широкогоров был исследователем исключительно большого диапазона и грандиозного научного темперамента, заставлявшими его вторгаться в области многих наук, не только гуманитарных. Высказанные им взгляды и теории как в самих текстах работ, так и в отступлениях, в обширных сносках и примечаниях, столь основательны и многогранны, что касаются проблем, находящихся на пересечении многих наук. Очень непросто их адекватно передать с точки зрения специалиста в какой-либо одной отрасли науки. При чтении работ С.М. Широкогорова весьма часто ощущается наличие соответствующей подготовки в области математики, биологии, медицины и других отраслей знания, которыми он владел. При этом С.М. Широкогоров прежде всего был первоклассным исследователем тунгусо-маньчжурских народов, но специалисты и в этой области, за редким исключением¹⁵, проходят мимо его трудов.

Данная статья - это первая попытка раскрыть именно российским читателям научное значение трудов С.М. Широкогорова, носящих всеобъемлющий характер, познакомить со взглядами и теориями нашего выдающегося соотечественника, которые во многом предвосхитили современные идеи и направления в мировой этнологии, имея в виду то понимание места этой науки в системе знаний о человеке, какое определил ей сам ученый. Мы делаем лишь первое приближение к созданию образа С.М. Широкогорова как этнолога, каким он вырисовывается при прочтении его работ. Статья посвящена выявлению основных направлений его научных устремлений, его пути в науке, судьбам его произведений. Это также и запоздалый долг, который российские этнографы отдадут исследователю редкого дарования, огромной интеллектуальной силы, ученому, несомненно составляющему гордость отечественной науки, давно достойному стоять, по крайней мере, в одном ряду с признанными ее классиками - В.В. Радловым, Л.Я. Штернбергом, В.Г. Богоразом, Д.К. Зелениным, Г.М. Василевич, С.В. Ивановым, А.А. Поповым и др.

В последние годы довольно подробно была исследована биография С.М. Широкогорова¹⁶. Поэтому мы отметим только некоторые важные для его научной биографии факты, взятые прежде всего из работ самого С.М. Широкогорова, который, к счастью для читателей, обязательно сообщал, каким образом возникал замысел той или иной работы и на каких материалах она основана.

С.М. Широкогоров родился 19 июня (1 июля) 1887 г. в Суздале, скончался 19 октября 1939 г. в Пекине. Первоначально он получил высшее образование в Париже, закончив филологический факультет Сорбонны, одновременно посещая Высшую школу политической

¹⁴ Йохансен У. Указ. соч. С. 139-143; Мюльман В. Указ. соч. С. 144-155.

¹⁵ К материалам из основных крупных работ С.М. Широкогорова, кроме Г.М. Василевич, в последнее десятилетие обращались только исследователи нанайского шаманства А.В. Смоляк и Т.Д. Булгакова: Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М., 1991. С. 125, 128, 258; Булгакова Т.Д. Шаманство в традиционной нанайской культуре (системный анализ). Автореф. дис....д-ра культурологии. СПб., 2001.

¹⁶ Решетов А.М. Петербургский период жизни и деятельности С.М. Широкогорова // Широкогоров С.М. Избранные работы и материалы... С. 6—32; Кузнецов А.М. С.М. Широкогоров на Дальнем Востоке (1918-1922) // Там же. С. 32-53.

экономии и Антропологическую школу. Возвратившись в 1910 г. в Россию, С.М. Широкогоров поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1911 г.); посещал также занятия в Археологическом институте. Но в Петербурге он не завершил образования ни по одной из названных дисциплин. Будучи еще студентом, С.М. Широкогоров в 1912 г. (а по некоторым данным, в 1910 г.) начал работать в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге над составлением карточного каталога и регистрацией коллекций. В октябре 1912 г. он был избран на должность сверхштатного сотрудника (младшего антрополога) и вскоре стал заведующим отдела антропологии МАЭ. В том же году он уехал в экспедицию в Сибирь. В 1917 г. он очень ненадолго приезжал в Петроград, но в Музей антропологии и этнографии уже не вернулся, хотя должность сохранялась за ним до 1923 г.

Что привело его в Музей антропологии и этнографии? Обратимся к его последней книге - «Psychomental Complex of the Tungus» (L., 1935), насыщенной не только научными теориями и материалами, относящимися преимущественно к мировоззрению тунгусов, но и философскими размышлениями, страстно-полемическими отступлениями по ходу изложения материала, оценивающими переживаемый исторический момент, а также некоторыми биографическими подробностями. Вот как описывает С.М. Широкогоров начало своего пути в науку: «Первоначально мои научные интересы были направлены на изучение общих проблем, которые в то время можно было бы отнести к "философии истории" и которые намного позже были мною сформулированы как "механизмы этнических и этнографических изменений". Начав заниматься социологией, экономикой и историей в узком смысле слова, я постепенно обратился к проблемам, связанным с изучением населения, к этнографии и, наконец, к антропологии (физической), что также потребовало от меня подготовки в биологии. Расширив область своих интересов, я сделал попытку решить два вопроса, а именно: 1. О параллелизме между искусством и культурой Мадленской эпохи и палеоазиатскими народами Сибири; 2. О корреляции между формой и материалом стрел и между используемым материалом и техническим назначением этого вида оружия. Стремление решить эти проблемы привело меня в Музей Антропологии и Этнографии Императорской Академии Наук в Петербурге, директор которого В.В. Радлов, после 4-5 месяцев моей работы в этом Музее предложил мне начать работу в поле и изучать языки - самоедские, дравидийские или тунгусские - по моему выбору. Хотя я не представлял себя в роли полевого исследователя и, в частности, совсем не думал изучать языки, относящиеся к совершенно иным языковым ветвям, но в принципе принял предложение В.В. Радлова, поверив ему, что я могу попробовать себя в полевой работе и, прежде всего, изучать малоизвестные языки. К тому же подобные идеи отвечали в то время моему желанию вступить в прямой контакт с живым материалом, для того чтобы получить новые факты и особенно конкретные представления о неевропейских народах. Что касается трех групп народов, то я не колеблясь выбрал тунгусов, представлявших в моих глазах наиболее интересными для изучения. По моим тогдашним сведениям они были менее всего подвержены влиянию других этнических групп, относящихся к так называемому «цивилизованному человечеству», и менее известны, чем самоедские или дравидийские народы, изучавшиеся большим количеством исследователей»¹⁷.

О том, где и в каком направлении шли его первоначальные исследования, С.М. Широкогоров подробно написал сам. В 1912 и 1913 гг., а также в 1915-1917 гг. он был направлен Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Сибирь и на Дальний Восток, причем последняя экспедиция была организована и частично финансировалась Императорской Академией наук и называлась Маньчжурской. Поэтому в 1917 г. С.М. Широкогоров работал в Маньчжурии, а также посетил Китай, Монголию и прилегающие к ним районы Сибири. Исследовательские планы ученого были нарушены из-за революционных событий в России, беспокойной обстановки в Сибири и на Дальнем

¹⁷ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935. P. 40.

Востоке. С.М. Широкогоров изменил свою научную программу: он вынужден был остаться в Китае, где до 1918 г. продолжал исследование маньчжуров в южной Маньчжурии и в Пекине. Как уже отмечалось, приехав в 1917 г. очень ненадолго в Петроград, он больше никогда туда не возвращался. Весной 1918 г. С.М. Широкогоров провел некоторые исследования у тунгусов, говорящих на диалекте Майкова, совершил кратковременную поездку в Маньчжурию, встретился с несколькими тунгусами.

В период с 1912 по 1918 г. он буквально жил, с небольшими перерывами, среди различных групп тунгусов-оленоводов и кочевников Сибири и Маньчжурии, а также у маньчжуров, солонов и дагуров. Основное внимание его было направлено на этнографическое исследование тунгусов, изучение тунгусских диалектов и маньчжурского языка в области Айгун и Пекине, собирание антропометрического материала у тунгусов и других групп населения. Его исследовательские интересы распространялись не только на области, традиционно относящиеся к этнографии и физической антропологии, но охватывали также географическое и археологическое изучение Дальнего Востока и Сибири. Географические наблюдения ученый вел постоянно, где бы он ни находился. В 1916 г. он принимал участие в археологических раскопках на берегу Амура в районе Благовещенска, в ущелье Малого Хинганского хребта.

Еще во время своих экспедиций 1912 и 1913 гг. исследователь собрал большую коллекцию предметов материальной культуры, сделал много фотографий и фонографических записей. Весь этот этнографический материал в 1914 г. был подарен С.М. Широкогоровым Музею антропологии и этнографии, но с 1917 г. и до конца жизни он так и не имел доступа к своим коллекциям¹⁸. Бурные политические события в Сибири и начавшаяся гражданская война не позволили С.М. Широкогорову после 1918 г. вести полевые исследования у тунгусо-маньчжурских народов. Его этнографические изыскания во Владивостоке и в Китае теперь касались европейских и других этнических групп Сибири и Дальнего Востока. Как отмечает сам С.М. Широкогоров, эти исследования были далеки от его главных интересов, связанных с тунгусами, тем не менее они оказали влияние на его представления об этносе, этнических категориях или единицах, в том числе и тунгусских¹⁹.

Дальнейшая деятельность С.М. Широкогорова в 1918-1922 гг. проходила во Владивостоке, где он работал сначала на Историко-филологическом факультете, а затем в Дальневосточном государственном университете, в организации которых в качестве самостоятельных высших учебных заведений С.М. Широкогоров принимал активное участие²⁰. Он был принят на должность приват-доцента и читал курсы по этнографии, в процессе которых вырабатывались его теоретические подходы к проблемам этноса, социальной организации, шаманизма, прежде всего на материале тунгусо-маньчжурских народов. Во Владивостоке вышли его первые работы на русском языке - среди них программный труд по шаманизму «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов», главные идеи которого позже были использованы в главе о шаманизме в его последнем фундаментальном исследовании, посвященном психоментальному комплексу тунгусо-маньчжурских народов.

В 1922 г. С.М. Широкогоров не по своей воле вынужден был остаться в Китае, куда он поехал в командировку. В Китае он и жил до своей кончины, работая в разных городах - в Шанхае (1922-1926), Сямэне (Амоэ) (1926-1928), Гуанчжоу (Кантоне) (1928-1930), в последнем он возглавлял департамент антропологии Института языка и истории. Потом он переехал в Пекин, в Университет Цинхуа, где был с 1930 г. профессором антропологии и

¹⁸ Подробнее о коллекциях см.: Решетов А.М. Петербургский период... С. 28. Примеч. 40, 41.

¹⁹ Shirokogoroff S.M. Social organization of the Manchus. A Study of the Manchu Organization // The J. of North Branch of the Royal Asiatic Society (далее - JNCBrRAS). Extra V. III. Shanghai, 1924. P. I; Social Organization of the Northern Tungus, with Introductory Chapters concerning Geographical Distribution and History of these Groups. Shanghai, 1929. P. V-VI.

²⁰ Ермакова Э.В. Личное дело антрополога С.М. Широкогорова в Российском Государственном Историческом Архиве Дальнего Востока // Широкогоровские чтения... С. 10; Кузнецов А.М. Указ. соч. С. 43-45.

социологии. В Китае С.М. Широкогоров был известен под фамилией Ши Луго (китайский вариант его русской фамилии). Большинство его работ издавались в Китае на английском языке, многие из них вскоре после выхода в свет переводились на другие европейские языки, некоторые сравнительно недавно на китайский. С.М. Широкогоров внес большой вклад в развитие этнографии Китая, создал свою школу, был избран членом Академии наук Китая. Многие видные китайские ученые были учениками С.М. Широкогорова²¹. Находясь в Китае и не имея больше возможности проводить исследования среди тунгусов, он вместе с доктором В. Эплтоном вел среди различных территориальных групп китайцев исследования в области физической антропологии, результатом которых явились три книги, изданные в 1923 и 1925 гг., о чем пойдет речь ниже.

Говоря об ученых, больше других оказавших влияние на направление и характер его деятельности, С.М. Широкогоров называет прежде всего акад. В.В. Радлова, который благословил его на изучение тунгусов и оказывал ему всякую помощь, В.Л. Котвича - в то время приват-доцента Петербургского университета и члена Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, позже - профессора Львовского университета, Я.В. Чекановского - сотрудника МАЭ, позже также ставшего профессором Львовского университета. От В.Л. Котвича С.М. Широкогоров получил очень ценные советы по полевой лингвистике еще до поездки к тунгусам, а под руководством Я.В. Чекановского он обрабатывал свои антропологические материалы после первой Забайкальской экспедиции. Наряду с именами ученых - этнографов, лингвистов и антропологов, которым он многим был обязан в своей исследовательской работе, С.М. Широкогоров называет и имя своей жены - Елизаветы Николаевны Широкогоровой (они поженились в мае 1908 г. в Париже). Она постоянно сопровождала его в экспедициях, была незаменима в установлении дружеских связей с тунгусами и маньчжурами - без ее помощи проникновение во внутренний мир изучаемых народов было бы для него невозможно²². Е.Н. Широкогорова, музыкант по профессии, опубликовала собственные работы по географии и музыкальной культуре тунгусов и маньчжур, в частности ее внимание привлекли шаманские песни²³. Работы своей жены С.М. Широкогоров высоко ценил, постоянно к ним обращался²⁴.

И все-таки с самого начала своих научных исследований С.М. Широкогоров шел самостоятельным путем. Он обладал прекрасной интуицией и острым критическим умом, хорошо знал историю этнографических школ, был знаком с различными методиками изучения так называемых первобытных народов. С.М. Широкогоров считал XIX в. блестящим в отношении развития этнографической науки, но при этом, владея опытом предшественников, вырабатывал свои принципы изучения жизни и культуры этноса²⁵. Очень небольшой раздел его книги «Psychomental Complex of the Tungus» (с. 6-10) посвящен обзору теорий, оказавших большое влияние на этнографов. К ним относятся прежде всего теории представителей эволюционистского и функционального направлений (Э.Б. Тайлор, Дж. Фрэнгер, Э. Лэнг, Б. Малиновский)²⁶, а также школы «культурных кругов» (Ф. Гребнер, В. Шмидт, В. Копперс)²⁷.

Этнология, с точки зрения С.М. Широкогорова, - наука, стоящая в центре изучения человека, охватывающая все его существование в том виде, в каком оно проявляется в реальной жизни, где нет искусственного разделения между физическими условиями существования этноса и комплексом его культурных элементов, хотя это и разные виды

²¹ Кузнецов А.М. Указ. соч. С. 45.

²² Shirokogoroff S.M. Social Organization of Northern Tungus... P. V.

²³ Широкогорова Е.М. Северо-Западная Маньчжурия. Географический очерк по данным маршрутных наблюдений // Уч. зап. Историко-филол. ф-та в г. Владивостоке. 1919. Т. 1. Отд. 1. С. 109-148; Shirokogoroff E.N. Folk Music in China // China Jour. of Science and Arts. Shanghai, 1924. V. VII.

²⁴ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex... P. 41.

²⁵ Idem.

²⁶ Ibid. P. 11.

²⁷ Ibid. P. XL

биологической адаптации. Эти идеи он высказывал в своих ранних работах, они были четко сформулированы и в самом последнем его труде, изданном в 1935 г. В письме к В. Мюльману, датированном 1938 г., т.е. за год до своей смерти, С.М. Широкогоров дает очень содержательные комментарии по поводу определения самого себя как «этнографа этнологической школы» и еще раз подчеркивает необходимость создания специальной дисциплины - этнологии²⁸. Об этнологии и ее месте среди других наук мы еще будем говорить более подробно дальше.

В сущности мы уже перешли к рассмотрению одной из главных теоретических позиций С.М. Широкогорова, но такое рассмотрение необходимо предварить несколькими замечаниями о наиболее характерных чертах его подхода к этнографическим явлениям и особенностях его творчества, нашедших яркое выражение во всех крупных работах ученого.

Одним из главных принципов научного исследования С.М. Широкогоров считал целостный, системный подход. С его точки зрения, изучение культуры - духовной и материальной, социальной организации, языка, психологической сферы в целом и шаманизма, как ее неотъемлемой части, должно происходить в тесной связи и взаимодействии друг с другом. «Материальная культура, социальная организация и психоментальный комплекс образуют сбалансированную систему, каждый элемент которой тесно прилажен к другому и взятые все вместе взаимодействуют между собой», - пишет он²⁹. Но для реализации этого принципа предварительно нужно сделать раздельное описание каждого из названных аспектов жизни.

С.М. Широкогоров издал ряд работ, посвященных теории этноса, основам шаманизма, социальной организации, языку. При обозрении его научного творчества в целом они воспринимаются как отдельные фрагменты последней обобщающей работы «Psychomental Complex of the Tungus», в которой эти фрагменты слились. Все основные работы С.М. Широкогорова взаимосвязаны и являются, по сути дела, главами одной большой книги о тунгусо-маньчжурском этносе. Он, правда, не смог написать книгу о материальной культуре, так как собранные им во время экспедиций предметы культуры и быта тунгусо-маньчжурских народов находились в России и были ему недоступны.

С.М. Широкогоров подчеркивает сложный характер не только всей этносоциальной, духовной и материальной культуры, образующей некую систему, но и отдельных ее составляющих, тоже носящих системный характер, изменение одного элемента в которых приводит к изменению всей системы. Адекватным выражением целостности и сложности изучаемых систем является у С.М. Широкогорова слово «комплекс». Вот как определяет он понятие «социальная организация»: «...это комплекс этнографических элементов, регулирующих функционирование общества как постоянного конгломерата людей, образующих в свою очередь комплекс с определенным внутренним равновесием, дающим возможность этнической единице воспроизводить себя, сохранять экономическую систему, материальную культуру, умственную и психическую деятельность, т.е. обеспечивать непрерывность существования этнической единицы в ее целостности»³⁰. Этнос, психологическую сферу, шаманизм он также определяет через понятие «комплекс». Это слово входит составной частью и в представление С.М. Широкогорова об этнографе, о чем говорилось

Как уже отмечалось, с самого начала исследовательской деятельности С.М. Широкогоров шел самостоятельным путем. Он рано выработал собственные принципы подхода к материалу, к понятиям, используемым в этнографической науке, дал свое представление о содержании этой науки, о предмете ее изучения и месте среди других наук. Основные теории и принципы этнографического изучения первоначально были применены им на материале тунгусо-маньчжурских народов. Затем, по мере все большего углубления в

²⁸ Мюльман В. Указ. соч. С. 152-153.

²⁹ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex... P. 1.

³⁰ Shirokogoroff S.M. Social Organization of Northern Tungus... P. 5.

этот материал, дополненный сведениями о других народах Сибири и Дальнего Востока, он совершенствовал, уточнял, расширял свои теоретические подходы и постоянно возвращался к ним в следующих друг за другом трудах. Например, теорию этноса он впервые развивает в специальной работе, вышедшей еще в 1923 г., затем возвращается к ней в исследованиях, посвященных социальной организации тунгусов (1929 г.), урало-алтайской гипотезе (1931 г.) и, наконец, в своем последнем монументальном труде (1935 г.).

В каждой последующей работе известная проблема приобретала дополнительные оттенки, находила выражение в более точных и пространных формулировках. То же самое можно сказать о проблемах шаманизма, о понятии «этнология» и ряде других. Естественно, для того чтобы осветить те или иные затрагиваемые С.М. Широкогоровым проблемы, нельзя ограничиваться одной работой ученого, даже если она специально посвящена какой-либо одной из них (а именно так поступали немногочисленные российские исследователи, ссылавшиеся на С.М. Широкогорова). Необходимо учитывать все работы, в которых данная проблема представлена. Помня об этих особенностях творческой манеры С.М. Широкогорова, мы постараемся выявить круг тем и вопросов, связанных с этнографическим изучением народов, интерес к которым он сохранял на протяжении всей своей научной деятельности, в той или иной форме затрагивая их, по существу, во всех своих произведениях. И в этом тоже находит выражение один из основных исследовательских принципов ученого – принцип целостного системного подхода к изучаемым явлениям.

Очень важное место в научной деятельности С.М. Широкогорова занимает проблема этноса. Термин «этнос» известен в научном обороте с середины XIX в., но в этнографию, где он стал одним из основополагающих понятий, был введен именно С.М. Широкогоровым. Впервые с проблемой этноса ученый столкнулся в начале полевой работы в 1912 г., обратив внимание на то, что разные группы народов обладают одинаковыми признаками, несмотря на различные условия жизни. Первые впечатления нашли подтверждение в экспедициях 1913 г. и 1915-1917 гг. С тех пор интерес к этой проблеме занял прочное место в его жизни. Оказавшись в 1918 г. во Владивостоке и читая курсы лекций по этнографии, С.М. Широкогоров одновременно активно занимался теоретическими разработками в изучении этноса, которые вылились в статью, специально посвященную этой проблеме, изданную уже в Китае на русском языке в 1923 г. (как уточняет автор, фактически она вышла в 1922 г.). Эта статья сразу привлекла внимание западноевропейских ученых. Уже через год после выхода в свет отдельные ее разделы были переведены на английский язык, появились рецензии в английских и французских журналах. В 1930-е годы эта статья была переведена на немецкий и французский языки. Как уже было сказано, к теории этноса он возвращался в последующих своих трудах: ее основные принципы лежат в основе его книг о социальной организации тунгусов и маньчжуров, психологической сфере названных народов, а также его чисто антропологических работ. Не останавливаясь подробно на том, как шло развитие этой теории от книги к книге, пока она не приобрела законченный вид в его капитальном труде о психоментальном комплексе у тунгусов, попробуем кратко выразить ее наиболее значимые положения.

С.М. Широкогоров определяет этнос или этническую единицу как группу людей, говорящих на одном языке, объединенных верой в общее происхождение и обладающих определенным культурным комплексом, отличным от других групп населения. Характерным признаком этноса является эндогамия. Как живой организм, этнос проходит периоды *роста*, *расцвета* и *упадка*. С точки зрения внутренних потенций этнос может быть сильным (в период роста) и слабым (в период упадка). К этносу нельзя подходить как к неизменному, статичному явлению. Это динамический процесс, в котором действуют силы консолидирующие и дезинтегрирующие (центробежные и центростремительные), находящиеся под влиянием трех составляющих, а именно: среды обитания, или физических условий существования (т.е. первичной среды), культуры (т.е. производной или вторичной среды) и межэтнического окружения (т.е. третичной среды). Таким образом, этнос, с одной стороны, существует в трех пространственных измерениях (в первичной, вторичной и

третичной среде), а с другой - сам является элементом каждой из перечисленных сред, неотъемлемой частью всей системы, который отдельно невозможно рассматривать. С точки зрения Широкогорова, этнос - это одновременно биологическая и социокультурная единица. Пограничный характер этноса выражается и в так называемом этническом равновесии - термин, который вводит С.М. Широкогоров. Оно определяется соотношением между численностью этноса, занимаемой им территорией и степенью адаптации к среде (физической и культурной).

Этническое равновесие С.М. Широкогоров выражает формулой ($w = q)/(TS)$, где w - константа этнического равновесия, q - численность этноса, S - биологическая адаптация в форме культуры и функциональной силы, T - территория. Этнос как единица может существовать только в условиях сохранения равновесия. Изменения в каком-либо одном элементе, образующем равновесие, служат толчком к появлению других изменений³¹. Эта константа этнического равновесия была установлена им для себя еще в 1912 г., но в последнем его труде она приобретает более разнообразные варианты. С.М. Широкогоров снова подчеркивает динамический характер этноса, определяет соотношение в нем центробежных и центростремительных сил, роль экологического и экономического факторов, а также биологических условий его формирования. Еще раз говоря об адаптивных способностях этноса, являющихся в сущности двумя видами биологической адаптации - физической и культурной, он особое внимание уделяет роли межэтнических связей в процессе формирования этноса и нарушении этнического равновесия, могущего вызвать полное исчезновение этноса. Примером этноса, потерявшего этническое равновесие и поглощенного другим этносом, являются маньчжуры. Но они сохранили основные черты древней социальной организации, особенно в Северной Маньчжурии, и удержались от полной ассимиляции китайским этносом. Будучи вымирающим этносом, маньчжуры передали многие черты своей культуры этносам, имеющим общее с ними происхождение, а именно тунгусам Маньчжурии, Монголии и Сибири³². Строго разделяя понятия «этнос» и «нация», С.М. Широкогоров вводит новое понятие - «лидирующий этнос», который служит как бы моделью для других этнических единиц³³.

Таковы в кратком изложении важнейшие взгляды С.М. Широкогорова, которые лежат в основе его работ как по социальной организации, так и по психоментальному комплексу тунгусо-маньчжурских народов. Социальная организация, с точки зрения С.М. Широкогорова, - результат биологической адаптации этнических единиц, ведущих борьбу за существование³⁴. Важной задачей С.М. Широкогоров считал выделение родов и выявление соотношения родовой организации и этноса. Психоментальный комплекс тесно связан со всеми отношениями, существующими внутри этноса, с физическими условиями его существования и со всеми разнообразными контактами, возникающими между соседними этносами³⁵. Вот почему все наиболее крупные работы ученого начинаются с изложения теории этноса.

Теория этноса С.М. Широкогорова сразу же вызвала большой отклик в науке многих стран мира. Одни ученые приняли ее и применяли отдельные принципы этой теории в своих работах, другие объявили эту теорию своего рода мистификаторством и даже фарсом, о чем прямо пишет сам С.М. Широкогоров³⁶. Только в отечественной этнографии имя С.М.

³¹ Shirokogoroff S.M. Ethnical Unit and Milieu. A Summary of Ethnos. Shanghai, 1924; Idem. Ethnological and Linguistical Aspects of the Ural-Altai Hypothesis. Peiping, 1931. P. 16; Idem. Ethnos. An Outline of Theory. Peiping, 1932; Idem. La Theorie de Ethnos et sa place dans le systeme de sciences anthropologiques // L'Ethnographie. Nouvelle ser. 1936. № 32. P. 85-115.

³² Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Manchus... P. 155.

³³ Shirokogoroff SM. Psychomental Complex... P. 12-19.

³⁴ Shirokogoroff S.M. Social Organization of Northern Tungus... P. 5.

³⁵ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex... P. 23-25.

³⁶ Shirokogoroff S.M. Ethnological and Linguistical... P. 17.

Широкогорова в связи с теорией этноса долгое время вообще не упоминалось. Впервые взгляды ученого на проблему этноса были замечены только в 1970-1980-е годы. Как уже говорилось, российские исследователи обращались только к самой ранней работе С.М. Широкогорова на эту тему. Ю.В. Бромлей уважительно упомянул имя С.М. Широкогорова среди первых исследователей этой важнейшей для этнографии проблемы. Среди значительного числа определений «этноса» Ю.В. Бромлей особо выделил дефиницию, принадлежащую С.М. Широкогороду, но заметил при этом, что понимание этноса у Широкогорова удивительным образом сочетается с причислением этой общности к биологическим³⁷. Такое впечатление может создаться только при поверхностном чтении трудов С.М. Широкогорова.

Действительно, С.М. Широкогород много говорит о биологической адаптации этноса. Но при этом он всегда различает биологическую адаптацию в узком смысле слова (физическую адаптацию) и в широком смысле слова - вторичную адаптацию (иногда он называет ее реадаптацией или специфической формой биологической адаптации), каковой является культурная адаптация. Он, таким образом, указывает на опосредованную связь культурной адаптации с физической или чисто биологической. Кроме того, постоянно совершенствуя свою теорию, С.М. Широкогород старался как раз выявить тот синтез (или пользуясь его любимым термином «комплекс») биологических, социальных и культурно-психологических компонентов, которые образуют этнос в его динамическом развитии. Труды по социальной организации, шаманизму, психологической сфере тунгусов и маньчжур, книга, посвященная этнологическому и лингвистическому рассмотрению урало-алтайской гипотезы, и другие - это прежде всего работы о соотношении этноса и социума, этноса и рода, этноса и мыслительной деятельности.

Очень критически оценивает теорию этноса С.М. Широкогорова Л.Н. Гумилев. Небольшой специальный раздел его книги представляет эту теорию в крайне урезанном и примитивном виде. Он состоит из отдельных цитат, конечно же, только из ранней работы С.М. Широкогорова, с которыми автор не соглашается, не считая нужным серьезно аргументировать свою позицию. Утверждая, что, в отличие от С.М. Широкогорова, он располагает системным подходом (не подозревая или игнорируя тот факт, что именно системный подход - это одна из наиболее характерных и ярких черт в научном творчестве С.М. Широкогорова), Л.Н. Гумилев предлагает взамен более совершенную, с его точки зрения, собственную теорию. Правда, заключая раздел, он, в конце концов, положительно оценивает работу С.М. Широкогорова: «И все-таки книга С.М. Широкогорова для своего времени была шагом вперед, ибо расширяла перспективу развития этнографии в этнологию»³⁸. Но эта оценка абсолютно не вытекает из высказанных несколькими строками выше резких выпадов против теории этноса С.М. Широкогорова.

В данной статье не место обсуждать пользующуюся немалой популярностью книгу Л.Н. Гумилева, написанную в остро-полемиическом духе и с особой художественной выразительностью. Хотелось бы обратить внимание только на некоторые идеи Л.Н. Гумилева, касающиеся связи человека как члена социума с характерными чертами этноса. Он считает, что этносы всегда связаны с окружающей природой, что это субстанция биосферы, что этнос - долгоидущий процесс, система социальных и природных единиц, традиций, географической среды его обитания, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы. «Таким образом, реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями»³⁹.

³⁷ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С. 22, 26; Он же. Очерки теории этноса. С. 10, 20.

³⁸ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 71.

³⁹ Там же. С. 103.

Нельзя не заметить в этих высказываниях Л.Н. Гумилева не просто удивительные совпадения, но почти дословные выражения критикуемого им С.М. Широкогорова, теорию которого он считал устаревшей. Те же аналогии с идеями С.М. Широкогорова можно заметить и в утверждении Л.Н. Гумилева о четырехфазисном развитии этноса - возникновении, подъеме, упадке и умирании - и во многих его ярких, но весьма противоречивых рассуждениях, касающихся роли пассионарных взрывов в становлении этноса, об этнических полях, этнических доминантах и т.п. В научной литературе уже было обращено внимание на сходство взглядов С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева на природу этноса⁴⁰. Е.М. Данченко указал на преемственность взглядов двух ученых и пришел к выводу, что С.М. Широкогоров был предтечей Л.Н. Гумилева в области теории этноса. Это, конечно, так и есть, только автор «более совершенной» теории считал иначе и, повторив в сущности основные идеи С.М. Широкогорова, их предварительно подверг уничтожительной критике.

Теория этноса С.М. Широкогорова, согласно которой этнос - это явление биологическое и социальное, точнее, социокультурное, тесно связана и с другой волновавшей его проблемой: о соотношении наук, занимающихся исследованием человека и этноса в разных аспектах, т.е. между антропологией, этнографией, этнологией и историей. Обратившись к этой проблеме еще в начале полевой работы, а затем в 1920-е годы, при разработке курса этнографии⁴¹, он не оставлял ее на протяжении всей жизни, окончательно оформив свои взгляды во введении к книге «Psychomental complex of the Tungus»⁴².

Больше всего С.М. Широкогорова интересовало соотношение между этнографией и этнологией. Придавая большое значение собиранию материалов и считая, что антропология и этнография имеют блестящее прошлое, он выступает против установившейся «мании собирательства» и настойчиво проводит мысль о необходимости этнографу-собирателю овладеть наукой, которая была бы теоретической основой его деятельности. Такую науку он называет этнологией. Этнография, вооруженная современными теоретическими знаниями, должна описывать и анализировать «живые» комплексы в их историческом и функциональном аспектах. В этом отношении она близка к историческим дисциплинам и всем наукам, занимающимся изучением культуры. Задача этнографии - это изучение культурной адаптации этносов. Этнограф должен вскрыть внутренние механизмы действия того или иного комплекса культур, понять причины функционирования этих механизмов, которые нередко находятся вне сферы культуры, т.е. коренятся в человеческой природе, в географической среде, в историческом развитии. Установить связь между физическими условиями существования человека и культурной адаптацией, происходящей в этнической среде, этнография не в силах, это - одна из задач этнологии. Поэтому этнологию С.М. Широкогоров определяет как науку, изучающую общие процессы изменений, происходящих с этносом, и в предложенной им схеме классификации наук помещает этнологию в самом центре⁴³. Стремясь в своей практической деятельности воплотить исповедуемые им принципы научного подхода, он, как мы помним, называл себя этнографом этнологической школы.

Несколько комментариев требует взгляд С.М. Широкогорова на антропологию. Первоначально он рассматривал ее как ответвление зоологии. Но в результате своей практической деятельности и коррективов, которые он вносил в свои теоретические разработки по мере освоения конкретного материала, он изменил взгляд на эту науку. Антропологией он особенно интенсивно начал заниматься в 1923 г., оказавшись в Китае. Вместе с доктором В. Эплтоном ученый проводил антропометрические обследования

⁴⁰ Данченко Е.М. О сходстве взглядов С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева на природу этноса // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». Омск, 1997. С. 72-74; Он же. О вкладе С.М. Широкогорова в разработку теории этноса. С. 13—16.

⁴¹ Широкогоров СМ. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.

⁴² Shirokogoroff SM. Psychomental Complex... P. I-X.

⁴³ Ibid. P. V, X.

нескольких территориальных групп китайцев. Сначала результаты их были опубликованы в китайском медицинском журнале, но потом вышли отдельными изданиями⁴⁴. Эти работы ввели новый материал в этнографию китайцев. Они точнее определили место китайцев среди других этносов и показали, что по мере продвижения с севера на юг у них наблюдаются изменения среднего роста и ослабление монголоидных черт. Казалось бы, выводы имели сугубо антропологический характер, но С.М. Широкогоров и к этому материалу подошел с позиции своей теории этноса. Он показал, что физические, физиологические, умственные, психические и биологические процессы протекают в этносе очень медленно, быстрые же изменения могут нарушить этническое равновесие⁴⁵. Результаты своих работ в области физической антропологии автор считал относящимися и к этнологии.

Знание языка изучаемого народа С.М. Широкогоров считал непременным условием для осуществления этнографических исследований. Сам он хорошо знал различные диалекты эвенкийского (тунгусского) языка и благодаря этому смог исключительно глубоко проникнуть в систему мировоззрения изучаемого народа. Он был не только знатоком языка, но и, имея склонность и вкус к теоретической лингвистике, написал несколько статей лингвистического характера⁴⁶, стал составителем тунгусско-русского и русско-тунгусского словарей, изданных в Японии уже после смерти ученого⁴⁷.

Как этнолог С.М. Широкогоров и лингвистические проблемы не отделял от этнографических. Именно поэтому он не мог не включиться в возникшую еще в 1920-е годы дискуссию по алтайской теории языков, неоднократно воспроизводившуюся в различных вариантах в последующие годы. Немало сторонников этой теории имеется и в настоящее время. Алтайскую теорию, или теорию родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и, возможно, корейского языков, развивали такие крупные лингвисты, как Г.И. Рамstedт, П.П. Шмидт, П. Пельо, А. Соважо, Н.Н. Поппе и др. Для подтверждения своих взглядов они широко привлекали материалы различных тунгусских языков. На данной теории основана гипотеза о генеалогической связи народов, говорящих на этих языках.

С.М. Широкогоров обращается к ней по крайней мере в трех работах: в статье о терминах ориентации у северных тунгусов, в книге о социальной организации тунгусов и в специальной книге, посвященной урало-алтайской гипотезе⁴⁸, так как некоторые сторонники общности происхождения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков присоединили к ним и так называемые уральские, т.е. финно-угорские и самодийские языки. С.М. Широкогоров показал, сколь неубедительны ссылки на тунгусские языки с точки зрения реально существующего живого эвенкийского материала. Он отметил, что приводимые учеными примеры, которые должны были свидетельствовать в пользу урало-алтайской гипотезы, случайны и не отражают действительного распределения лексем и значений как в диалектах эвенкийского языка, так и в других тунгусо-маньчжурских языках и диалектах. Он также показал, как трудно отличить исконно тунгусские слова от древних монгольских заимствований, детально разобрав множество примеров, весьма существенных для генетических выводов. Различия между тунгусскими и другими языками постулировавшейся алтайской семьи настолько велики, что, с точки зрения С.М.

⁴⁴ Shirokogoroff S.M. Anthropology of Northern China // JNCBrRAS. Extra V. II. Shanghai, 1923; Shirokogoroff S.M., Appleton V. Growth of Chinese // The China Medical Jour. Shanghai, 1924. V. XXXVIII. № 6. P. 400-414; Shirokogoroff S.M. Anthropology of Eastern China and Kwangtung Province // JNCBrRAS. Extra V. IV. Shanghai, 1925; Idem. Process of Physical Growth among the Chinese. V. I. The Chinese of Chekiang and Kiangsu Shanghai, 1925.

⁴⁵ Shirokogoroff S.M. Process of Physical Growth... P. 21.

⁴⁶ А.М. Певнов очень корректно проанализировал некоторые лингвистические взгляды С.М. Широкогорова с точки зрения современных представлений о тунгусских языках: Певнов А.М. Указ. соч. С. 16-18.

⁴⁷ Shirokogoroff S.M. A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the Manuscripts. Tokyo. 1944.

⁴⁸ Shirokogoroff S.M. Northern Tungus Terms of Orientation // Rocznik Orientalistyczny. W. IV. Lwow, 1928. S. 167-187; Idem. Social Organization of the Northern Tungus... P. 2, 359-361; Idem. Ethnological and Linguistical Aspects... P. 89-198.

Широкогорова, целесообразнее говорить о существовании отдельной независимой тунгусской языковой семьи, которая подверглась сильному влиянию монгольских языков. С.М. Широкогоров формулирует свой окончательный вывод вполне определенно: пока не реконструированы пратунгусский, прамонгольский и пратюркский языки, вряд ли возможно постулировать общий алтайский праязык. Необходимо отметить, что алтайская теория, в настоящее время почти утратившая свою популярность⁴⁹, долго оставалась предметом неутихавших дискуссий, в которые были вовлечены многие ученые следующего за С.М. Широкогоровым поколения и современные исследователи. С.М. Широкогоров с его историко-аналитическим подходом к развитию тунгусского языка и этноса и сейчас воспринимается как вполне современный участник обсуждения этой еще совсем недавно животрепещущей проблемы.

Находясь в эмиграции и не имея возможности вести полевые исследования у сибирских тунгусов, потеряв связи с ними, С.М. Широкогоров внимательно следил за происходившими в 1930-е годы в Сибири процессами, глубоко и страстно переживал судьбу коренных народов этого региона. Он резко критически отреагировал на одно из начинаний, организованных советской властью, - создание письменности и литературного языка у тунгусов⁵⁰. В полной мере оценив наивный энтузиазм и благородные порывы ученых, взявшихся за это дело, С.М. Широкогоров не мог одобрить начинание, которое не исходило из внутренних культурных потребностей самих тунгусов. Прекрасно зная и чувствуя язык, он не мог не видеть, что созданный литературный язык тунгусов оказался искусственным, упрощенным, детским. Заключает свою полемическую статью С.М. Широкогоров весьма категорично: «Литературный тунгусский язык не имеет ни научной ценности, ни будущего». Статья С.М. Широкогорова была написана в 1930-е годы, но опубликована только в 1991 г. Современные исследователи в целом подтверждают прогнозы С.М. Широкогорова. Так называемый литературный язык эвенков (тунгусов) оказался нежизнеспособен⁵¹.

В 1935 г. вышла последняя книга С.М. Широкогорова - «Psychomental Complex of the Tungus». Это капитальное, очень подробное описание мировоззрения, или, говоря современным языком, картины мира тунгусо-маньчжурских народов с использованием методов этнографии, психологии, биологии, математики и других наук. Как и в предыдущих работах, ученый подчеркивает тесную связь психоментального комплекса со всеми многосторонними отношениями, которые существуют внутри этнической единицы и возникают под влиянием иного этнического окружения в результате межэтнического общения. Таким образом, в основе интерпретации явлений, входящих в психоментальный комплекс, лежит теория этноса, которую автор излагает в начале своей книги в наиболее полном и законченном виде. Он также развивает в ней свои взгляды об этнологии, о которых говорилось ранее и в соответствии с которыми он строит свое исследование.

Что же такое психоментальный комплекс? Это прежде всего те элементы культуры, которые являются психической и интеллектуальной реакцией на окружающую среду, это способ адаптации этноса к среде, которая может быть устойчивой или постоянно меняющейся, статичной или динамичной. Функция психоментального комплекса состоит в обеспечении существования этноса в целом, через него этнос проявляет и сохраняет себя. Содержание психоментального комплекса менее стабильно по сравнению с материальной

⁴⁹ Об алтайской гипотезе в историческом освещении и современном состоянии этой проблемы см.: Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1991. С. 163-185.

⁵⁰ Shirokogoroff S.M. Tungus Literary Language // Asian Folklore Studies. Nagoya, 1991. V. L. P. 35-66; Широкогоров С.М. Тунгусский литературный язык // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 1. С. 132-159.

⁵¹ Хасанова М.М. (рец.) S.M. Shirokogoroff. Tungus Literary Language. Nagoya, 1991. V. L. P. 35-66 // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 74-75. А.А. Бурькин, выразив свое несогласие с позицией С.М. Широкогорова, в конце концов все-таки признает неудачным создание эвенкийского литературного языка (Бурькин А.А. Лингвистические взгляды С.М. Широкогорова и общие проблемы литературных языков малочисленных народов Севера России в 30-90-е годы XX века // Широкогоровские чтения... С. 12-17).

культурой, но гораздо более разнообразно. В него входят идеи и представления, обряды, обычаи, поведение людей. Раскрытию содержания психоментального комплекса тунгусов и посвящена вся книга С.М. Широкогорова, причем по ходу изложения это понятие постоянно совершенствуется, дополняется, уточняется и постепенно раскрывается во всей полноте и разнообразии. Неизменным при этом остается строгое следование главному принципу, провозглашенному во всех крупных работах ученого, - принципу целостного системного подхода к изучаемому явлению.

«Как только в 1935 г. вышла книга "Psychomental Complex of the Tungus", мне стало ясно, - пишет В. Мюльман, - что этим трудом Широкогоров разрушил рамки этнографии (в прежнем значении этого термина) и поставил себя в первые ряды теоретиков этнологии»⁵². Фундаментальное исследование С.М. Широкогорова настолько пронизано аналитическими рассуждениями и теоретическими концепциями, что трудно охватить разом все принципы освоения материала и дать оценку его многочисленным открытиям. О некоторых из них мы говорили в связи с другими работами ученого, которые, как уже было отмечено, в сущности были отдельными фрагментами давно задуманного им капитального труда. Мы подробнее остановимся на той части книги, которая сразу же вызвала самый большой интерес у исследователей, не угасший вплоть до сегодняшнего дня, - это раздел о шаманизме.

Шаманизм, с точки зрения С.М. Широкогорова, будучи неотъемлемой частью психоментального комплекса, сам по себе представляет комплексное явление. Исследование его выделено в особый раздел книги ввиду огромной значимости шаманизма в жизни этноса, а в методических целях - для удобства описания.

С тех пор, как вышла книга С.М. Широкогорова, посвященная психоментальному комплексу тунгусов, к ней постоянно обращаются зарубежные исследователи, занимающиеся проблемами шаманизма в теоретическом или сравнительно-историческом планах. В 1938 г. В. Мюльман опубликовал рецензию на «Психоментальный комплекс тунгусов», которую завершил словами: «Эта книга не из тех, что, как многие иные, будет прочитана, поставлена на место, оценена и затем отложена в сторону, напротив, это именно тот труд, который в значительной мере будет способствовать научной консолидации этнологии, а результаты его еще долго будут дискутироваться»⁵³. И сейчас этот фундаментальный труд российского ученого воспринимается как исключительно новаторское произведение, заслуживающее самых восторженных оценок: его называют «блистательным», «восхитительным»⁵⁴. Оно сохраняет непреходящую притягательную силу, интерес к нему у современных ученых не иссякает, в диалогах с давно ушедшим из жизни автором рождаются новые ассоциации и встречные движения мысли, что, в конечном счете, стимулирует появление новых подходов в изучении шаманского комплекса. В отечественной же этнографии этот труд С.М. Широкогорова разделяет судьбу всех его крупных работ, т.е. он почти никому неизвестен. В постоянном научном обращении, правда, находится самая первая статья ученого по шаманизму, вышедшая на русском языке в 1919 г. во Владивостоке, по которой уже можно судить о том, насколько он опередил свое время в подходе к этому явлению. Главное же произведение его научного творчества остается пока непрочитанным большинством российских исследователей шаманизма у народов Сибири.

Чтобы в полной мере оценить новаторский дух этого труда, необходимо представить себе атмосферу, в которой пребывало изучение шаманизма в 30-е годы XX в. Тогда существовало только одно направление в исследовании этого явления, которое можно определить как «психопатологическое»⁵⁵. С.М. Широкогоров уже в первой своей программной статье по изучению основ шаманства у тунгусов - прообразе будущего раздела о шаманизме в книге, посвященной психоментальному комплексу тунгусов, подверг

⁵² Мюльман В. Указ. соч. С. 146.

⁵³ Там же. Рецензия была напечатана в газете Deutsche Literaturzeitung. 1938. № 15. S. 534 (примеч. Д.А. Функа в ЭО. 2002. № 1. С. 153).

⁵⁴ Shamanism in Eurasia. Goettingen, 1984. P. 37, 192.

⁵⁵ Подробно о различных направлениях в изучении шаманизма см.: Ревуненкова Е.В. Указ. соч. С. 13-28.

сомнению тезис о болезненной психике шамана. Он скорее говорит о физическом и психическом здоровье большинства из них, «так как физическая немощь не позволит ему (шаману. - *Е.Р., А.Р.*) владеть собою по своему желанию, а нервное и психическое заболевание в решительный момент может воспрепятствовать поддержать состояние экстаза и все камлание превратить в обыкновенный нервный припадок»⁵⁶.

В своем фундаментальном труде ученый, развивая этот взгляд на поведение шамана, обращается к проблеме психофизиологической организации шаманов у тунгусов вообще. Он считал, что изучение нервнопсихических и мыслительных реакций у лиц с различными отклонениями от нормы является очень важным условием, может быть, даже ключевым моментом для понимания психоментального комплекса в целом и шаманизма в частности. Но при этом С.М. Широкогоров ясно сознавал (и подчеркивал), сколь трудно дать определение нормы, особенно сталкиваясь с иной этнической традицией. Тем не менее он смог глубоко раскрыть и проанализировать психические условия формирования тунгусского шаманства, описать немало случаев болезненного состояния психики, встречающихся в том числе и у шаманов. В то же время исследователь подчеркивал, что случаи психических и умственных расстройств у тунгусов достаточно редки и не играют заметной роли в функционировании психоментального комплекса. Если явления, кажущиеся патологическими при чисто внешнем поверхностном наблюдении, рассматривать более глубоко - в определенном историко-культурном контексте и с точки зрения тунгусского мировоззрения, то выясняется, что в каждом отдельном случае эти явления выполняют конкретную роль, будучи то формой игры, то формой релаксации или назидания и т.п.

Таким образом, формы поведения и их варианты, выраженные в симптомах, внешне сходных с истерией или психозами, в действительности, с точки зрения мировоззрения тунгусов, коренятся в нормально функционирующем психоментальном комплексе, в котором большое место отводится действиям духов, устранить же их влияние может только специалист, т.е. шаман. Подобные формы поведения придают жизни тунгусского этноса такие краски, без которых она была бы намного беднее⁵⁷.

Уделив очень большое внимание психическому аспекту шаманизма, С.М. Широкогоров считает, что акцентирование внимания на внешней, часто преувеличенной связи шаманизма с психозами, в действительности является реакцией европейских этнографов на чуждую им культуру. В связи с этим он формулирует важнейшее положение о том, как следует подходить к изучению культур, отличных от европейских: «Применение терминов одного культурного комплекса для интерпретации другого культурного комплекса не всегда способствуют пониманию действительно существующих функций последнего»⁵⁸. Сейчас это стало аксиомой этнологического изучения культур.

Шаманизм, играющий огромную роль в жизни тунгусо-маньчжурских народов, С.М. Широкогоров рассматривает как явление, стоящее на грани психологии и биологии, и приходит к заключению, что шаманизм - это проявление биологических функций рода, средство самозащиты, предохранительный клапан или саморегулирующийся механизм психологической сферы людей (так же, как и психоментальный комплекс в целом, органической частью которого является шаманизм). Впервые ученый высказал эти мысли еще в 1919 г., позже развивал их в книге, посвященной социальной организации тунгусов, к ним он не раз возвращался и в своем последнем труде.

Немало внимания уделено в книге таким методам воздействия шамана на своих соплеменников, как внушение, гипноз, экстаз. На проблеме экстаза следует остановиться подробнее.

Едва ли не все исследователи шаманизма считают одним из главных отличительных признаков шамана его способность впадать в экстаз. С.М. Широкогоров, конечно, касается

⁵⁶ Широкогоров С.М. Опыт исследования... С. 107.

⁵⁷ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex... P. 241-268.

⁵⁸ Ibid. P. 268, 332.

этой проблемы. Но и в данном случае его интересовало не столько внешнее проявление экстаза, сколько сущность этого явления. Ему важно было знать, что происходит во время экстаза с шаманом с психологической и познавательной точек зрения. «В это время, - писал С.М. Широкогоров еще в 1919 г., - его мышление, освободившись от привычной последовательности логических моментов, подчиняется особой последовательности, которая открывает ему возможность познания вне рамок, привычных для данной этнографической среды. Вместе с этим шаманом приобретает ряд новых возможностей сознательного воздействия на людей, пути которых еще не изучены, но многие явления не могут быть уложены в рамки обычного гипноза»⁵⁹.

Глубоко проникнув в суть мыслительных операций шамана, которые сейчас можно было бы назвать перестройкой работы мозга в измененном состоянии сознания, С.М. Широкогоров выявляет роль интуиции как особого метода познания, разрушающего стандартные модели логического мышления и создающего условия для символического, образного мышления, которое, в свою очередь, придает более совершенную и законченную форму умозаключениям. В состоянии экстаза, с точки зрения С.М. Широкогорова, происходит частичное выключение сознания, но при этом у настоящего шамана экстаз не переходит в неконтролируемый припадок, однако и не сдерживается настолько, чтобы была подавлена способность к интуитивному познанию. Шаман, по мнению С.М. Широкогорова, должен уметь контролировать свой мыслительный аппарат, знать методы приведения себя в состояние экстаза, а также поддерживать и регулировать это состояние в течение того времени, какое требуется, учитывая аудиторию и цель камлания⁶⁰.

Развивая идеи о том, что камлание удовлетворяет самые разнообразные потребности психологического, социального, познавательного свойства, С.М. Широкогоров особенно выделяет эмоционально-эстетическую функцию камлания. Эстетическая сторона камлания остается чрезвычайно привлекательной как для исполнителя, так и для присутствующих, которые являются не просто зрителями, а активными участниками коллективного действия. Нередки были случаи, когда тунгусы принимали участие в камлании из чисто эстетических побуждений, удовлетворяя свои художественно-эмоциональные потребности. Они выше ценят шамана-артиста, который достигает большего эффекта в воздействии на аудиторию, чем шамана с не очень высокой художественной одаренностью⁶¹. «Мне кажется, - пишет С.М. Широкогоров, - что шаману столь же необходим экстаз, как личности истерической время от времени переживать припадки, а людям творческим - поэтам, музыкантам - испытывать вдохновение»⁶².

Многое, о чем говорилось выше, сейчас воспринимается совершенно естественно, как будто иначе и не должно быть. Но в этом тоже заслуга С.М. Широкогорова, который вырвал исследования шаманизма из замкнутого круга одних и тех же взглядов на проблему. В настоящее время вряд ли у кого-либо возникнут сомнения в нормальной психической организации шамана, но для признания этого потребовались десятилетия, в течение которых проводились серии экспериментов по психологическим тестам, по выявлению влияния условий сенсорной недостаточности, действий галлюциногенов на поведение шаманов, а также опыты по изменению состояния сознания и выявлению подоплеки того, что традиционно относится к неосознаваемой сфере человеческой психики и к проблеме бессознательного.

С.М. Широкогоров до всяких экспериментов еще в 20-е годы XX в. предвосхитил выводы современных исследователей о роли интуиции в творческом процессе⁶³ и о

⁵⁹ Широкогоров С.М. Опыт исследования... С. 106.

⁶⁰ Shirokogoroff SM. Psychomental Complex... P. 363.

⁶¹ Ibid. P. 343-344.

⁶² Ibid. P. 365.

⁶³ В этом плане очень интересные гипотезы и взгляды были высказаны на международном симпозиуме по проблеме неосознаваемой психической деятельности. См.: Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т. I—IV. Тбилиси, 1978-1985.

перестройке работы мозга в измененном состоянии сознания. Сейчас кажется само собой разумеющимся признавать наличие у шамана художественного мышления и особые творческие потенции в области поэтического, изобразительного, театрального и других видов искусств⁶⁴. Но именно об этом впервые писал С.М. Широкогоров. Его подробные описания шаманских действий и поведения шамана во время камлания позволяют прокомментировать процесс шаманской работы с позиции современного направления в этнологии - физико-психологической антропологии⁶⁵, а его взгляд на шаманизм как на систему взаимодействия сознания шамана, его бессознательного и коллективной психики рода позволяют видеть в С.М. Широкогорове предтечу трансперсонального направления в современной психологии и психотерапии⁶⁶. Вероятно, не без влияния мыслей С.М. Широкогорова об экстазе создавал свою известную книгу «Chamanisme et technique archaïque de l'extase» (Р., 1951), сыгравшую тоже огромную стимулирующую роль в изучении шаманизма в мировом масштабе, М. Элиаде⁶⁷. Взгляд на шамана как на великого хозяина экстаза (М. Элиаде) или как на психотерпевта и предшественника психоаналитика (высказанный К. Леви-Строссом и тоже ставший весьма популярным) в несколько иных словах был сформулирован уже С.М. Широкогоровым.

После выхода в свет книги «Psychomental Complex of the Tungus» появились труды, в которых шаманизм исследовался с точки зрения его структуры. Следует сказать, что С.М. Широкогоров рассматривал шаманизм в том числе и по ряду структурных, формальных признаков и сделал это задолго до утверждения методов структурного анализа в науке. Таким образом, книга С.М. Широкогорова «Psychomental Complex of the Tungus» способствовала рождению новых творческих подходов в изучении шаманского комплекса в целом. Но при этом не стоит забывать, что эта книга насыщена конкретным материалом, касающимся тунгусо-маньчжурских народов, и является комплексным исследованием, которое охватывает все формы существования этноса в единой функционирующей системе. В ней воплощен принцип целостного подхода к динамике жизни этноса во взаимосвязи и взаимообусловленности всех ее проявлений, при этом С.М. Широкогоров не упускает из виду и те ее стороны, которые до него представлялись чем-то незначительным. Эта книга - образец этнологического исследования в соответствии с представлениями о науке этнологии, выработанными ученым в самом начале научной деятельности, которым он стремился следовать в течение всей своей последующей работы.

В последние годы своей жизни С.М. Широкогоров напряженно работал над завершением большого труда под названием «Этнология», состоявшим из двух томов, семи частей и 35 глав. В этом труде, который он практически завершил, но не успел довести до публикации, ученый в законченном виде представил собственную методологию этнографии как комплексной науки, существующей независимо от смежных с нею наук, таких как история, социология, биология, география и т.д. В ней на новом витке обобщения материалов по ранее разрабатывавшимся им проблемам он более подробно развивал высказанные им положения. Так, в гл. 7 автор уделил особое внимание проблеме межэтнического давления, которую он разрабатывал на заре своих полевых исследований.

⁶⁴ Подробнее об этой проблеме см.: Ревуненкова Е.В. О личности шамана // Сов. этнография. 1974. № 3; Она же. Миф - обряд - религия (некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии). М., 1992. С. 87-104, 141-151.

⁶⁵ Харитонов В.И. Тайна шаманской мистерии (гипотеза с позиции физико-психологической антропологии) // Широкогоровские чтения... С. 27-30. Название направления предложено: Харитонов В.И. Народные магико-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного системно-феноменологического исследования. Дис. в виде науч. докл. ... д.и.н. М., 2000. С. 74.

⁶⁶ Концепция предложена Центром по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик ИЭА РАН на основе трудов современных научных психологов трансперсонального направления. Разработка ее поручена М.Н. Ошуркову. См.: Ошурков М.М. Методология С.М. Широкогорова и трансперсональная парадигма в гуманитарной науке // Широкогоровские чтения... С. 17-20.

⁶⁷ Ревуненкова Е.В. Проблемы шаманизма в трудах М. Элиаде // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 241-258.

«Основными источниками для формирования данного понятия послужили политическая и культурная история Европы и тщательный анализ географического распределения этнических групп и общностей в различных областях земли... Давление межэтнической среды постоянно возрастает с ростом населения и "импульсивных вариаций". Так, в Европе межэтническое давление намного сильнее, чем у тунгусов... Этнографии старой школы этот фактор в системе этнического равновесия и в формировании и существовании этнических общностей "людей природы" был неведом»⁶⁸. Нам представляется, что обращение к идеям С.М. Широкогорова о межэтническом давлении было бы весьма целесообразным и актуальным особенно теперь, при изучении природы современных этнических конфликтов.

Из фактов биографии и из ряда работ видно, что С.М. Широкогоров, несмотря на свою поглощенность наукой, не был бесстрастным ученым. Его очень волновала судьба народа, который он не просто искренне любил, но с которым буквально сроднился. В научных трудах С.М. Широкогорова немало зарисовок, живых сцен, описаний поведения, жестов, высказываний близких ему людей - изучая, он жил одной жизнью с ними. Оказавшись в эмиграции, навсегда оторванный от среды обитания, бывшей долгое время для него привычной, он стремился не упустить из виду все то, что происходило в Сибири в 1930-е годы. Выше мы говорили о его реакции на культурную политику, проводимую у тунгусов. Хорошо зная отношение советской власти к шаманам, С.М. Широкогоров допускал возможность исчезновения шаманизма у тунгусо-маньчжурских народов, а, может быть, и самих народов. «Очевидно одно: даже если тунгусы выживут, то шаманизм их будет уже не таким, каким я наблюдал его. Нужно будет изучать новый комплекс в новой этнической среде, от начала до конца, элемент за элементом», - писал он на последних страницах своей последней книги⁶⁹. Прогнозы С.М. Широкогорова не сбылись целиком. Тунгусские народы, несмотря ни на что, выжили, изучается у них и то, что осталось от шаманизма, но без творческого использования трудов С.М. Широкогорова.

Специального изучения заслуживают общественно-политические взгляды ученого, их эволюция в эмигрантский период от республиканских до монархических. 3 июля 1938 г. он произнес речь в Российском доме в Пекине в память 325-летия Дома Романовых «Значение династии Романовых для России»⁷⁰.

По прочтении работ С.М. Широкогорова перед нами встает облик ученого, у которого исключительно развито то, что другой выдающийся ученый, современник С.М. Широкогорова - В.М. Алексеев (1881-1951), называл подлинно научным чувством, которое может вести к «беспредельному рождению новых истин во имя бесконечно длящегося, до самой смерти, научного психоза и состоящего из постоянных озарений и называемого точно так же наукой»⁷¹. Кстати, с В.М. Алексеевым у С.М. Широкогорова установились постоянные научные контакты начиная с 1917 г., в течение пяти лет - с 1927 по 1932 г. они состояли в переписке. В.М. Алексеев высоко ценил исследовательский талант С.М. Широкогорова и откликался на его новые работы даже тогда, когда тот находился в эмиграции⁷².

Ученый огромного масштаба, во многих своих открытиях опередивший время, живший в изоляции от основных центров европейской науки и оказавший, тем не менее, немалое влияние на европейскую этнологию, будучи создателем целых школ и направлений в ней, С.М. Широкогоров лишь в России пока занимает место где-то на периферии истории науки. Его творческое наследие необходимо освоить и сделать доступным российскому читателю. Тогда наш выдающийся ученый-соотечественник получит достойное его имени признание не только в мировой, но и в российской науке.

⁶⁸ Об этом подробнее см.: Мюльман В. Указ. соч. С. 152—153.

⁶⁹ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex... P. 402.

⁷⁰ Широкогоров С.М. Значение династии Романовых для России // Хлеб небесный. 1938. № 10-11. С. XV-XXIII.

⁷¹ Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 32.

⁷² Решетов А.М. О письмах С.М. Широкогорова к В.М. Алексееву // Широкогоровские чтения... С. 22-24.